
Я видел забор, сколоченный из дверей,
и каждая дверь казалась другой старей:

вот эту при Брежневе пьяный пинал ногой,
а та при Хрущеве вышла недорогой.

А к этой прильнувши – ну до чего тонка! –
при Сталине ждали каждую ночь звонка.

За каждой кипели борщи, и кипела страсть,
смеялись дети, и нечего было красть.

А ныне стоят преградою на пути,
и ни в одну из них уже не войти.

Мир состоит из маленьких вещей,
из пропасти занятных мелочей:

крупиц, песчинок, зёрнышек, пылинок,
и росных капель, и тугих былинок.

Из тех кровинок, что мой нос пролил,
когда с соседом парту я делил.

Из юрких, будто ящерки, минут,
которые сквозь пальцы прошмыгнут.

В житейской канители
от пагубы храня,
истерся крест нательный,
позакруглил края.

Грешно живу, негоже,
и почернела нить,
пока въедалось в кожу
спаси и сохрани.

Светлой памяти М. С.

...И разделились берега
на *тот* и *этот*.
Зимой обычная река,
весною – Лета.

На дальний берег, где погост,
не перебраться:
пошла вода и смыла мост
в Аида царство.

Ты *там*, я *здесь*, не сыщешь мель –
вода меж нами.
И оплывает карамель
в моём кармане.

холодным утром свет рассеян
читаешь книжку натощак
а за окошком воет север
и нет спокойствия в вещах

и вот откладываешь книжку
дрожишь лодыжками до ванной
потом согнувшись точно лыжник
скользишь в подъезде деревянном

когда выходишь на работу
ты безобразен и смешон
а где-то вечная суббота
быть может выше этажом

Не хочется вставать,
ни завтракать, ни бриться,
ни рожу умывать,
ни Господу молиться.

От моего стиха –
я нес его, как знамя –
осталась лишь труха
признаний, их изнанок.

Кругом лежит страна
без памяти, без края.
Оборвалась струна,
а музыка – играет.

Вечерял на кухне в одного:
ни жены, ни друга – никого.
Лишь картошка со сковороды
за мои дневные за труды.
Лишь часов полуночный набат,
лампа-уголек в пятнадцать ватт,
да звезда, дрожащая в окне...
Неужели помнят обо мне?

Встреча с ветряной мельницей

На холостом ходу
вращается ветряк.
Я ближе подойду.
Он сам – как холостяк:

он смотрит сквозь меня
налитыми глазами,
хмельной от ячменя,
раздавленного за день.

Он мелет языком,
ругается несносно,
и я с ним не знаком,
но расходиться – поздно.

На ветреную речь
что я ему отвечу?
Я – голова без плеч,
а он – сплошные плечи.

Я треском оглушен,
подавлен превосходством
и начисто лишен
былого донкихотства...

В лифте

С восьмого этажа
спускаюсь на седьмой,
с седьмого на шестой
перетекаю плавно,
на пятом чуть трясет,
садятся пассажиры,
и вот уже четвертый
зажегся огонек.

А где-то в глубине
таится шестеренки,
и механизм скрипит,
и трос уже лохмат,
бетонная утроба
тесна и бесприютна...
Трясет. Встречаем третий.
Переворот в мошонке.
Гаснет свет.

Второй – как откровенье,
как воздуха глоток,
я вспоминаю строчки,
из Хлебникова что-то –
где о нагой свободе,
о небе и цветах.

И – первый.
Дожидаюсь
открытия дверей
и выхожу.